

НОВОЕ В СОЦИОЛОГИИ - "БУМ ПАМЯТИ"

Н. В. РОМАНОВСКИЙ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович - доктор исторических наук, зам. главного редактора журнала "Социологические исследования".

Аннотация. Рассмотрен "бум памяти", усилившийся в социальных науках на грани тысячелетий. Показаны его специфика в отечественной науке, влияние на прогресс социологии. Социальные проблемы памяти рассмотрены в единстве с "забвением". Обсуждены проблемы "политики памяти". Анализируются факторы бума памяти, формы проявления и ее роль в прогрессе современного социологического знания.

Ключевые слова: память * память социальная * память историческая * "бум памяти" * политика памяти * политика истории * политика забвения

Среди значимых процессов в современной социологии, с которыми журнал "Социологические исследования" стремится знакомить читателей, - активный интерес исследователей к человеческой памяти, к ее содержанию и социальным ролям. Хотя в статье выдерживается социологическое видение проблемы, проблема эта междисциплинарна. Кроме медицины и психиатрии, исследованиями памяти занимаются историческая наука, антропология, педагогика, литература, философия, психология, нейробиология, нейрогенетика, нейрохимия, наука о поведении и обучении животных, этологические и эволюционные подходы, когнитивная психология и т.д. О популярности этой тематики говорит тот факт, что в университетах приходилось пресекать стремление аспирантов писать диссертации на материале памяти только своей

семьи [1, p. 23]. Быстро рос объем литературы ("список публикаций в этом новом исследовательском поле слишком велик, чтобы даже начать его приводить"¹ [2, p. 197]). В начале 2000-х годов появилось понятие - "бум памяти" [3]. Впрочем, этот феномен можно назвать еще одним "поворотом" в современной социологии - "поворотом к памяти". Интенсивно изучались историческая память, историческое сознание в России, чему ниже уделено особое внимание.

Каково место "бума памяти" в развитии современной социологии? Что реализовано социологами в новом исследовательском поиске, какими могут быть следующие шаги? Попробуем этот феномен понять, оценить его влияние на прогресс социологической науки.

"Поворот к памяти" был подготовлен теоретически, методологически, в эмпирике, институциональной составляющей общественной (публичной) роли социологии. Истоки внимания социологов к памяти аналитики отслеживают от публикаций 1925 г. (они переизданы на многих языках в последние годы) ученика Э. Дюркгейма Мориса Хальбвакса (1877 - 1945, место смерти - Бухенвальд²) о "социальных рамках" памяти (*cadres sociaux de la memoire*) [4]. В дальнейшем к памяти социологи обращались при анализе проблем сознания, знания (К. Мангейм, Ж. Гурвич), поколений (М. Шелер), традиций (Э. Шилз, Ю. А. Левада и др.).

Новый интерес социологов к этому исследовательскому полю стал качественно иным, что показывает уточнение прежних и умножение новых терминов и понятий. Журнал "Memory Studies" (выходит с 2008 г.) называет 256 выявленных типов памяти [5, p. 10]. Введенный в оборот в 1925 г. М. Хальбваксом термин "коллективная память" дополняют словом *мнемоистория*. Оно "в отличие от самой истории... обозначает не прошлое как таковое, а только прошлое, которое вспоминают" [6, p. 9]. "Социальные исследования памяти", "изучение социальной памяти" и другие термины говорят о нацеленности ученых на массовое социальное явление. Есть и такой термин - историческая социология "мнемонических³ практик".

Дифференциация целей (объектов) исследований отразилась в прилагательных к "памяти" - "коллективная", "личная", "социальная", "современная", "космополитичная", "культурная" и "транскультурная", а также "глобальная". Ж. Т. Тощенко различает память историческую, личную, семейную, историческое сознание; упоминает он и историческое мышление. "Память" может быть учебной, книжной, культурной, коммуникативной (СМИ), средовой (окружение, архитектура, улицы, станции), публичной, бытовой. В круг обсуждавшихся учеными предметов попали памятники, памятные места и даты, памятные церемонии и памятные события, воспоминания (мемуары и "бум мемуаров"). И так далее.

В научном поле "исследований памяти" сложился круг релевантных общественным заботам понятий. Так, "амнезийное общество" описывает обнаруживаемый социологами низкий интерес в конкретном обществе к истории - хотя доминируют в большинстве стран тенденции обратной направленности. "Народы без истории"-иллюстрация ситуации, когда, к примеру, в пост-колониальных странах представления, выстроенные при прежней метрополии, отвергнуты, а новых наработок по истории народа, страны пока нет. Есть "мнемонические" практики и "мнемонические войны", свидетельство конфликтов - не только научных - по поводу "правильной" памяти о прошлом. Есть "политика забвения", "разминирование" (*defusing the past*) и "преодоление" прошлого (*Vergangenheitsbewaltigung*); с прошлым стараются "совладать". Изучение способов хранения и передачи памяти в древности породило "археологию"

¹ Это обстоятельство оправдывает скромный список литературы в конце статьи - стоило начать, и он вырос бы неимоверно. Библиография по данной теме адекватно представлена в интернете по адресу (по состоянию на 29.11.2010)- <http://barrschwartzonline.com/Books,%20Chapters,%20Articles,%20and%20Book%20Reviews,%20by%20Topic.pdf>

² Ловлю себя на мысли: наверное, надо пояснить для части читателей - это гитлеровский лагерь смерти. Так травмы времени уходят в забвение!

³ От греч. слова, относящегося к памяти, запоминанию.

памяти". "Социальная ностальгия" зафиксирована отечественными и зарубежными социологами [7, 8, p. 31; 9]. Уточняются методологические аспекты социологического исследования памяти. Изучаются память "подавленная", "вытесненная", "контрвоспоминания" - так сказать, назло официально насаждаемой памяти.

Проявлениями роста интереса к памяти служит справочная литература, например, "Cultural memory studies. An international and interdisciplinary handbook. Bln-NY, 2003". Создан словарь "Science of Memory. Concepts" [10]. Иллюстрацией влияния "бума памяти" на специальные социологические дисциплины служит спецвыпуск (январь 2009 г.) "Материализуя время" журнала "Memory Studies", посвященный архитектуре, памятникам и т.п.

В завершение сюжета о понятийном поле "исследований памяти" приведу ключевые слова и формулировки программных заявлений в первом номере журнала "Memory Studies": "социальные, культурные, когнитивные, политические и технологические сдвиги, влияющие на то, как, что и почему индивиды, группы и общества помнят и забывают"; "природа, манипуляция и оспаривание памяти в современную эпоху"; "повседневные воспоминания", "коллективная, публичная, социальная и общая память"; "биографии и история"; "этика памяти и забвения"; "воспоминания и память"; "органичная и искусственная память"; "СМИ и механизмы"; "документы и архивы"; "космополитизм и глобализация"; "культурная память и наследие"; "катастрофы и травмы"; "устная история и культура свидетелей"; "память и политика идентичности" и др.

В рассматриваемом поле прошла **институционализация**, отражающая популярность данной тематики. Общественный интерес к памяти привлек ученых и студентов. Факультеты реагируют на "спрос" созданием курсов, учебников, проведением конференций, обсуждениями; защищаются диссертации, выходят публикации. В апогее - возникает исследовательский центр (университет Уорвик, Англия); начинает выходить (с 2008 г.) журнал - упоминавшийся "Исследования памяти" (Memory Studies). Пытались учредить особую научную дисциплину: к жанру "исследования" в дисциплинарном плане отношение амбивалентно. Но на статус "-ведения", "-логии", даже на парадигму "памяти" выйти не удалось. Пришлось довольствоваться статусом не-парадигмальные, трансдисциплинарные "исследования" - не более того [11]. У институционализации исследований памяти есть грань публично-политическая: создание "Комиссии правды и примирения" в ЮАР после падения режима апартеида, деятельность нашего "Мемориала" и др.

"Поворот к памяти" ("бум памяти") демонстрирует движущие силы прогресса социологической науки. Среди них выделяются теоретические факторы. К тематике памяти - индивидов и групп - социологов привела логика развития дисциплинарных теорий, накопленные эмпирические данные, результаты проверки выдвигавшихся теоретических схем. Социология реально отражала то, что запечатлено в биографиях, памяти, сознании и активности людей (собственно говоря - в их жизнях), в эмпирически полученных исследователями данных. Исследователи постоянно наталкивались в разработках сознания ныне живущих поколений на оставленные XX веком многочисленные и глубокие следы, в том числе - трагические. Помножьте это обстоятельство на страны, континенты мира, которых не минули испытания такого рода - и предпосылки "бума памяти" станут понятнее.

Это - с одной стороны. С другой, - социологи осмысливали получавшиеся ими данные в рамках теорий, ориентированных на исследования человеческой памяти. Бурный интерес социологов к памяти связан с возвращением временного измерения в современную социологию - "золотой век исторической социологии", "историзация", "исторический поворот" и др. К этому же времени поспели в методологии а) преодоление "квантофрениии", б) синтез качественных и количественных методов, в) интерес к устной истории (oral history), к кейс-стади, биографическим методам и нарративам. В сумме это дало сочетание количественных и качественных исследовательских стратегий. Интернет и компьютер позволили в научный оборот ввести массу документальных и иных свидетельств, формировать немислимые ранее

по объему научные базы данных. Доступнее стали архивные хранилища - в Российской Федерации доступ в архивы лимитируют уже не административные запреты, а непригодность - возникшая в советское время - архивов к предоставлению услуг исследователям: отсутствие читальных залов, техники, инфраструктуры и т.п.

Особо выделю связь данного феномена с развитием комплекса социологических теорий - связь обоюдно значимую. В социологии (вместе с другими социальными науками) сформировалась теоретическая база, ставшая ступенькой к интенсивному повороту интереса социологов к памяти, интереса масштабного и глубокого. Уход от присущего социологии Конта, Спенсера, Парсонса (телеологичного - все будет как в США)⁴, от поиска универсальных, неподвластных людям законов (истории, развития общества) делал обращение социологов к человеческой памяти неотвратимым. Формировавшиеся во второй половине XX в. социологические теории требовали от исследователей расшифровки роли качеств (ресурсов) индивидов как социальных акторов (агентов). Одна за другой эти теории разворачивали интерес социологов к пониманию, измерению сознания, мыслей, действий и взаимодействий, к памяти конкретных людей.

Правда, новое изначально было хорошо забытым старым. Социальные мыслители прошлого делали порой удивительно точные, вполне социологические наблюдения. К примеру, кажется, Конфуцию принадлежит мысль, что в борьбе молодого со старым всегда побеждает старое [приводится по: 13, с. 192]. Современник Конта и Спенсера Маркс указывал: "Традиции всех мёртвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых" [14, с. 115]. Риккерт и Вебер начинают в центр внимания социологии перемещать человека, индивида. "Традиционное действие" М. Вебера в годы "веберовского ренессанса" на Западе (1970 - 1980-е годы) пробудило интерес социологов к традиции; она стала восприниматься как фактор воспроизводства общества при переменах. Ученик Парсонса Э. Шилз отвёл традиции роль гаранта порядка и цивилизации [15, р. 15]. По-новому стала прочитываться проблема поколений. К месту пришлось идеи Зиммеля, касавшиеся социологии культуры, города, архитектуры. Расширилось понимание таких граней наследия Э. Дюркгейма как солидарность, инновации, обычаи, идеалы, обряды, ритуалы.

В 1970 - 1980-е годы в социологии появились теории, от которых оставался один шаг к исследованиям проблем памяти. Среди них решающую, на мой взгляд, роль сыграла теория фреймов ("рамочный анализ") И. Гофмана. Идеи этого ученого обосновали важность памяти как неперемного фактора, определяющего поведение индивидов и коллективных акторов. Феноменологическая социология считала поведение индивидов детерминированным, в частности, итогами прожитой жизни, жизненным опытом, биографиями, что повлекло за собой индивидуализированное изучение и измерение названных обстоятельств, а также генерировало обобщения более высокого уровня: контекстуализм стал нормой "понимания", "объяснения", исследования. Открылась дорога к культурной составляющей современного общества (в "культуральной" социологии Дж. Александера) - фреймы, жизненный опыт полагались культурно детерминированными. Инкорпорирована, конструируема, институциональна история, связанная с "доксой" и "габитусом" П. Бурдьё; он привлек внимание к возможности государства и элит "навязывать" дискурс прошлого. Символический интеракционизм (вслед за Б. Малиновским) обратил внимание социологов на значение символов для социальной (исторической, коллективной) памяти. Вокруг идей интеракции, обменов строятся теории коммуникации (Ю. Хабермас, Н. Луман, М. Кастельс), "цепочек интерактивных ритуалов" (Р. Коллинз), социальных сетей. Приход виртуальности в социологию, "глобализация", интенсивные миграции, общее повышение территориальной мобильности и т.п. придали "сетевому" теоретизированию еще больший резонанс.

---

⁴ Парсонс в теории "modern society" посчитал неизменными идеальные качества "современного общества" на ближайшие сто лет [12, с. 189], лишив индивида всякого "волонтаризма".

Внимание к исторической и личной памяти сработало против тезисов о потере чувства прошлого, о смерти времени и пространства, провозглашенных постмодернистами. У социологов-теоретиков возродился интерес к "утопиям", к прогнозам.

"Бум памяти" в онтологии социального обозначил интерес к человеку, деятелю, группам, взаимодействиям. Сформировалась и соответствующая *методологическая стратегия* [16, с. 13 - 14]. Это движение противоположно акцентированию другой частью социологов понятий и категорий "законы общественного развития", "общество", "современная эпоха (modernity)", "глобализация".

Сказанное выше - выжимка из массы зарубежных публикаций, порожденных бумом памяти. В возрождавшейся отечественной социологии происходили те же в принципе процессы - с естественной конкретикой. В последние советские годы социологи отслеживали проблематику исторической памяти, быстро показавшую взрывной потенциал. В. А. Ядов начал вводить в стратегию социологического исследования временное, историческое, биографическое измерения [17, с. 33 - 38], обращаться к биографиям респондентов. "Парадоксальный человек" Ж. Т. Тощенко парадоксален историческим сознанием, исторической памятью [18]. Когда-то наш журнал опубликовал статью, построенную на материале семейной памяти; теперь у С. А. Чуйкиной трудов на эту и близкие темы свыше дух десятков [19]. Обобщая, выделяю ряд конкретных качеств в отечественной социологии памяти.

1. Как это бывало в истории нашей страны, ученых в осмыслении данной проблемы опередили писатели. Чингиз Айтматов в конце 1970-х создал образ людей, намеренно лишавшихся властью памяти (манкурты). Он же вывел образ офицера сталинской госбезопасности, внушающего герою романа (тому довелось воевать у партизан Югославии), что вспоминать нужно то, то нам нужно, а что нам не нужно, то и вспоминать не следует.

2. Получив права научного гражданства (1989 г.), отечественные социологи обратились к сфере памяти советских людей. В Центре изучения общественного мнения (Т. И. Заславская, Ю. А. Левада), АОН при ЦК КПСС (позднее - РАУ, РАГС - А. И. Афанасьева, В. Э. Бойков, В. И. Меркушин, Ж. Т. Тощенко и др.) начали исследовать эту грань коллективного сознания и поведения; быстро выявили социальную значимость исторической памяти. Данные опросов показывали стремительный отход от стандартных версий истории страны; барометр предвещал бурю.

3. Вскрылись "черные дыры" и "белые пятна" истории СССР. Но с запозданием пришло осознание проблем "политики памяти". Разрыв с идеологическими конструктами ушедшего в небытие режима не привел к формированию и реализации новой ее версии, как и новой экономики, политики, ценностной системы и др. Дискурс политики памяти находится на ранней стадии.

4. Сдвиги в оценках исторических личностей (Ленин, Сталин, Петр Великий и др.) и событий (революция 1917 г., Великая Отечественная война и др.) в массовом политическом сознании и поведении связаны с резкими, непоследовательными переменами политических и гражданских ориентаций. Смена названий улиц и городов сопровождалась сменой общественно-политического строя и уклада жизни страны. Набеги на историю сопровождались интенсивными схватками политических сил, главным образом в СМИ.

5. Ситуация разрыва между памятью, хранимой людьми, и историей, как ее преподавали и изучали на протяжении большей части жизни нынешние живущие в стране люди, сохраняется. Только в последнее время поутихнувшие страсти позволили ученым профессионально корректировать последствия возникшего разрыва. Но потребуются полосы истории (оценочно - 10 - 15 лет целенаправленной работы), прежде чем скажутся результаты начавшихся шагов в "политике памяти" и будут минимизированы негативные последствия созданной ситуации.

Отечественный контекст стимулировал исследования исторической памяти. Более чем 20-летнее накопление социологами эмпирического материала приносит понимание глубинных оснований экономического, культурного, политического, экзи-

стенциального сознания и поведения россиян. В последнее время эти данные используются на монографическом уровне, выходящем за пределы места и времени проведения конкретных опросов общественного мнения. На этих основаниях Ж. Т. Тощенко дополнил характеристики парадоксального человека в постсоветской России [18]. В. В. Волков, заменив в формуле М. Вебера "капитализм-протестантизм" капитализм на преступность, показал связи "силового предпринимательства" в "ельцинской" России с грабительскими проявлениями становления капитализма в средневековой Европе [20]. Генеалогию российской личности с использованием материала истории и памяти современников воссоздал О. В. Хархордин [21]. Перемены и преемственность установок граждан и властей по комплексу вопросов жизни страны на протяжении десятилетий (1970 - 2000-е гг.) показал А. В. Жаворонков [22]. Много обещают начавшиеся публикации по материалам более чем 20-ти лет опросов общественного мнения, накопленным в Левада-центре (Л. Гудков, Б. Дубин) [23]. Заявили о себе в этой области молодые исследователи [напр., 24].

И здесь мы возвращаемся к ключевому вопросу по поводу данного феномена в социологии - о понимании его связей с общим прогрессом социологической науки. Что вызывает к жизни и движет вперед подобные подвижки? Публичная грань проблемы в данном случае стала решающим звеном в цепи факторов, детерминировавших данный процесс. Память может объединять, но может и раскалывать общество. Пример одной памятной даты отечественной истории. 23 февраля каждого года в стране отмечается праздник, в последние годы получивший название "День защитника отечества". Но для народа Чеченской Республики Российской Федерации этот день связан с депортацией в 1944 г. чеченского народа. А сколько памятных дат с аналогичными коннотациями (объясняю смысл этого слова: пробуждаемыми в связи с этими датами мыслями) в нашей истории?

На протяжении десятилетий, которые образуют современный этап истории социологии, ученые на каждом шагу получали эмпирические сигналы о "следах истории" в памяти людей, в традициях, культуре, контекстах, структурах, институтах - короче в социальной реальности. Следы эти, как правило, носили и носят выраженный драматический и "травматический" характер - отражение XX века, охарактеризованного английским историком Э. Хобсбомом как век крайностей, каких человечество не знало в предыдущей истории. К сожалению, такой фон исследований памяти реальность новейшей истории человечества. Чему посвящены тексты, образовавшие "бум памяти"? Мировые войны, колониализм, Хиросима и Нагасаки, Холокост, Виши, Катынь, Лидице, Хатынь, геноцид, Чернобыль и бывший город Припять, голодомор, Сребеница, Косово, Палестина, арабо-израильские конфликты, Уотергейт, Вьетнам, Ирак, Афганистан. Беспрецедентная межэтническая бойня в Руанде. Травматическим для нескольких поколений стало установление, а затем крушение "реального" социализма в СССР и за его пределами. Травмы пережиты многими народами мира, на всех континентах. Военные диктатуры в Латинской Америке, концлагерь больных проказой на Гавайях, истребление коренных народов Мексики и Перу, вторжение войск США во Вьетнам, Камбоджу, войны Франции с Германией с 1870 по 1945 г., гражданская война в Испании, боевики ИРА в Ольстере и ЭТА в стране Басков, судьба судетских немцев в послевоенной Чехословакии, гибель евреев в польском местечке Едвабне; политика апартеида в ЮАР и т.д. - трудно забыть.

Как исследования памяти повлияли на состояние и роль социологии? Они подтвердили способность социологии предлагать решения важных для людей, общества и государств вопросов. Приведенные фрагменты обширного каталога "травм" человечества в XX веке, ставших предметом публикаций зарубежных коллег-социологов, подтверждают: бум памяти это и бум "забвения", - как свойства человеческой памяти и государственной политики. Память о прошлом не должна мешать настоящему. Людям, народам, государствам на современной планете Земля есть что помнить, но есть что целесообразно забыть. Характерно в этом плане появление в 1999 г. коллективной монографии об "искусстве (именно так - *авт.*) забвения" [25]. Фраза "Не забывайте

помнить!" - лишь на первый взгляд каламбур. Что о прошлом важно помнить, а что забыть? - вопрос идеологии и политики, при ответе на него без исследований реального состояния памяти не обойтись.

Проблемы памяти, исторического сознания приобрели статус социально, государственно значимых. Вопрос допустимости и целесообразности проведения политики (идеологии) в области памяти не дискусионен. Политика такого рода во многих странах проводилась и проводится. Во Франции еще в конце 1940-х годов на политическом уровне (парламент) было решено отказаться от гонений на бывших деятелей прогерманского режима 1940 - 1945 гг. (они получили стигму - "вишисты"). Французы сочли за благо забыть что-то о коллаборационизме времен второй мировой. Белые и цветные в ЮАР не ужились бы, не проявив "искусства забвения" после апартеида. После краха фашизма в Германии несколько десятилетий не преподавали новейшую историю в школах [26]; пришлось что-то забывать и из общего прошлого бывших ФРГ и ГДР. Далеко не всё, конечно, забывается. Колониальное прошлое не педалирует официальная Великобритания; для Индии забыть факты "модерна" в составе Британской империи было бы равноценно призыву забыть колониальное прошлое. Согласитесь - проблемы эти не надуманы. Забвение как политика может служить (не всегда на декларативном уровне) интеграции, солидарности, сплочению, - благим целям. Достало бы разума.

Вопрос об "управлении памятью" важен для России. О постановке этого вопроса на обсуждение наш журнал информировал читателей [27]. Но ставился он в научном плане, как проблема исторического сознания граждан, патриотизма. Дискурс политики памяти и забвения должен бы затронуть ученых, агентов сферы идеологии, политиков, подсказал бы политические решения, снял остроту некоторых проблем.

От политики памяти остаться в стороне не получится; вновь и вновь этот вопрос обостряет ситуацию то тут, то там. Политики всегда стремились излагать историю с выгодой для себя, а в XX веке она вошла в практику. "Управление" историей не имеет ничего общего с манипуляциями историческими фактами, как они описаны в романе Оруэлла "1984". Реально же политика в этой сфере необходима и обществу и государству. В наше время ситуация здесь такова: а) политика истории проводится открыто; б) официальная история фиксируется, прежде всего, в учебниках для школ; в) появилась проблема СМИ, эффективно влияющих на "политику истории"⁵; г) манипуляции в данной сфере вызывают оправданную озабоченность общественности; д) есть опыт формирования и эффективного проведения "политики истории" ("памяти") и участия в этом деле социологов.

Здесь уместны наблюдения за памятью "личной" - или "групповой", связанной с отечественной социологией и общественной жизнью. Специфика "бума памяти" по-русски проявилась в постсоветское время. В Российской Федерации "резидуем" прежней, советской государственно-партийной "политики истории" уже в начале 1990-х стал избирательный, непоследовательный, неоформленный подход в практике переименований, сносов памятников, текстов учебников, памятных дат и т.п. В дальнейшем не раз подтверждалась высказанная Марксом мысль: "Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых". Реакция "живых" политиков России, например, при решении создать комиссию по преодолению фальсификаций истории, была неадекватной. Использованный термин "фальсификации" обнажает менталитет, не осознаваемый его носителями, но детерминированный прошлым нашей страны и ее политического класса. Он прямоком восходит к сталинским практикам; во всем мире термин "фальсификация" понимается по-иному - по К. Попперу - как метод проверки достоверности аргументации, выводов, теорий и т.д. Сталин инспирировал и частично написал "справку" "Фальсификаторы истории" (1948 г.). [29]. Это образец

---

⁵ По данным проведенного учеными РАГС летом 2010 г. всероссийского опроса, кинофильмы и СМИ респонденты считают главным источником информации населения по вопросам истории (в частности, Великой Отечественной войны); они же названы в качестве главного источника "помех" в этих вопросах [28, с. 25, 39].

превращения истории в политику, учреждения вымыслов, полу-правд и т.д. - в политических интересах. Пока есть политика - в том числе в сфере сознания и поведения людей - есть запрос на "фальсификации". Для науки "фальсификации истории" - вопрос профессионализма. Многие годы советские историки и обществоведы боролись с "фальсификаторами". Итог в 1988 г. подвел будущий знаменосец идей демократии академик и член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК по идеологии и науке А. Н. Яковлев: "В исторической науке, - писал он, - немалая часть ученых специализируется в значительной мере на разоблачении псевдонаучных концепций буржуазных авторов, не занимаясь самостоятельным изучением источников и выработкой научных идей, критическим переосмыслением устаревших представлений" [30, с. 20]. В связи с "фальсификациями" Катинского дела правительство Российской Федерации так и поступило. Передав польской стороне документы по этому делу ("самостоятельное изучение источников"), оно сняло остроту вопроса.

Для нашей власти необходимость выраженной политики истории пока не очевидна. Между тем, история это и "информация к размышлению" (Штирлиц) для первых лиц государства. Никто не ждет от президента, премьера, председателей палат и т.д. понимания проблем истории на уровне профессионалов, тем более, что история необъятна, а профессионалы все же занимаются относительно узким кругом проблем. Но ожидать профессионализма от экспертов и аналитиков, которые обеспечивают первых лиц (и законодательную ветвь власти) политически значимой информацией, нужно. Те, на чьи налоги функционирует аппарат государства - (они же - избиратели) вправе этого требовать. Экспертно-аналитические службы призваны корректировать стихийно складывающуюся историческую память ЛПР (лица, принимающие решения). Тогда в решениях не будет элементов дилетантизма. Обозначу несколько сюжетов - возможно, не бесспорных (хотелось бы).

Катынь пытались представить фальсификацией; заблуждавшихся поправили; нашли выверенное решение. Но в спорах о Катыни был упущен важный момент. В этой неприглядной истории читается наследие революции, насилия, якобинства, борьбы белых и красных. Уничтожал Сталин (руками людей Берия и с согласия своих соратников) классовых врагов будущей "красной" Польши (документы по этому "делу" пестрят термином "кр"- контрреволюционный). В 58 статье УК РСФСР 1936 г., по которой заполняли ГУЛАГ, УЛОН и другие подобные учреждения, а также безымянные могилы, в главе "Государственные преступления" были перечислены именно "контрреволюционные преступления" - против "пролетарской революции" [31]. В зимней войне 1939 - 1940 г. сражались с "белофиннами", "финской белогвардейщиной" [32, с. 178]. Все 1920 и 1930-е годы (1939 исключение) страна прожила в ожидании революции. Это вдалбливали и взрослым и детям. "Дети пролетарской революции рождены для борьбы за мировой октябрь" - текст на пригласительном билете на Первый всесоюзный слет пионеров летом 1929 г. [33, с. 113]. Революционная перспектива определяла взаимоотношения СССР с соседними государствами. Она была "фреймом" практических действий советских, как сейчас говорят, "силовики" по отношению к "белополякам". Когда "благо революции - высший закон" (Г. В. Плеханов), о чем вообще говорить? Общественность Европы и Польши, полагаю, хотя бы в некоторой части, такого рода логику поняла и приняла бы, не говоря о наследниках якобинцев.

Речь, конечно, не об искренности ссылок Берия и Сталина на революцию; вопрос стоит иначе: почему революция сейчас выпала из поля видения? Здесь связь не историческая. Катынь (перефразируя наполеоновского министра) "это не преступление. Это ошибка" - в политической и теоретической оценке социального фактора, неизбежности революции. Это недооценка факторов этнических, идеи польской государственности, пассионарности польского этноса и т.д. Ошибались товарищи-аналитики в СССР, ВКП (б) и Коминтерне (порядок перечисления можно поменять). Да и не аналитикам принадлежало последнее слово, - вождю. В современной России, споря о магистральных альтернативах развитию страны, нельзя упускать из

виду возможность массового протеста, включая революцию. Понятно желание вытеснить из памяти ("забыть") последствия революции и гражданской войны в нашей стране. Но не обязателен февральско-октябрьский сценарий 1917 г. История не повторяется. Сгодится и цветная какая-нибудь. Накопление материала для взрыва недовольства - факт политической аналитики и практики. Даже место символично. Там, где в декабре 2010 г. были беспорядки (Манежная площадь), в начале XX века бушевали "охотнорядцы". Тогда на месте здания нынешней Государственной Думы стояли торговые "Охотные ряды". Держатели лавок в них стали тогда символом российского протофашизма - "черной сотни", "погромов" и т.п. Располагавшиеся рядом, в МГУ студенты возглавляли тройку врагов престола и отечества - дальше шли две этнические группы. На этом фоне отношение к факту революционных потрясений в России похоже на замалчивание перспектив перемен начала XX века и безуспешности реформаторских попыток остановить сползание к такому сценарию.

Искажены перспективы и проблем реформирования старой России: образец здесь П. А. Столыпин, хотя на это место более подходит практически преданный забвению С. Ю. Витте. Он, можно утверждать, больше (и меньшей ценой) сделал для величия России и меньше - для "великих потрясений"; с государем не повезло. В вопросе об оптимуме реформирования России этот эпизод демонстрирует избирательность памяти, недопустимую в науке. Не исключаю, что тут (помимо политического родства) сыграл роль национальный фактор. Тот же перекос в предпочтении реформ Петра I реформам Екатерины II. Для политической аналитики (да и подбора "кадров" реформаторов) это гибельный путь. Но - опять - такие aberrации избирательной памяти о прошлом корректирует наука.

И это лишь некоторые сиюминутные моменты российской политической и духовной ситуации, оттеняющие важность для России проблем, связанных с "бумом памяти" в науках об обществе. И не только для России. Политические, публичные факторы поворота к социальной роли памяти, к исследованиям памяти в массовом масштабе генерировались и стимулировались всем общественно-политическим контекстом современного мира. "Бум памяти" релевантен содержанию эпохи, важнейшим, магистральным проблемам современности [Обзор современного исследовательского поля по этой проблематике см.: 8]. Такие грани глобализации, как массовые миграции, превратили представления о прошлом и настоящем в краеугольный камень публичной политики, идентификации личности и групп, их социализации в социальных общностях и обществе. Коллективная память показала свою значимость для сознания и поведения больших социальных групп - таких как этносы или поколения. Исследователи доказали связи личной и коллективной памяти с реализацией гражданских прав, становлением гражданского общества, преодолением ситуации "граждан без гражданских прав". Социологи установили связь между идентичностью и "индивидуацией" как чертой современности. Память индивидуальная актуализирована "кризисом семьи" - "семей без прошлого". Людей "без семейной памяти" становится больше. Ответ на вопрос "Кто я?" для всё большего числа людей индивидуален. Самоидентификация, самопонимание, потенциальные гражданские позиции приобретают растущее значение для общества и государства. Вопрос: "каким быть мне?", - к тому же, важен и как частица ответа на вопросы о перспективах развития человечества, споров о возможности глобального гражданского общества, о космополитической перспективе [о современных версиях этой идеи см.: 34; 35] современного человечества.

Общность памяти - фактор формирования этносов, наций и государств. Социологи анализируют специфику и приемы выработки, проведения "политики памяти", формирования исторического сознания граждан в эпоху, когда проблемы коллективной, социальной памяти стали ключевыми для культуры (включая политическую культуру и тем самым - сферу политики) конкретных стран и культурной составляющей гражданственности. Реальны и значимы в этом контексте проблемы "народов без истории", которые оказались перед проблемой вхождения в глобальные сообщества. Серьезным фактором процесса стали пространство виртуального мира, информационное

общество. Выявлены связи рассматриваемого феномена с проблемами перспектив человечества, глобального общества и гражданского мирового общества, космополитизма как перспективы выхода человечества на новую ступень своего развития. Глубокие общественные потребности придали массовость и динамику феномену "бума памяти" в группе наук. Во взаимодействии с другими науками социологи выявили новые социальные проблемы повестки дня современного человеческого сообщества. Прошло пять лет после явления миру социальных наук "бума памяти". Заговорили об "усталости" (fatigue) [36] от интенсивного исследования и обсуждения этого феномена; ажиотаж вокруг "бума памяти" стал сходить на нет. Но результаты исследований социетальных и человеческих аспектов памяти оставили след в социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Olick J.K.* 'Collective Memory': a memoir and prospect // *Memory Studies*. 2008. V. 1. N 1. P. 23.
2. *Winter J.* The generation of memory: reflections on the memory boom in contemporary historical studies // *Bulletin of the German Historical Institute* (Washington, DC) 2000. N 27. P. 69 - 92; *Winter J.* The Memory Boom in Contemporary Historical Studies // *Raritan*, 2001. V. 21. N 1. P. 52 - 66.
3. *Berliner D.C.* The Abuses of Memory: Reflections on the Memory Boom in Anthropology // *Anthropological Quarterly*. V. 78. N1. Winter 2005. P. 197 - 211.
4. *Halbwachs M.* Les cadres sociaux de la memoire, Paris: Presses Universitaires de France, 1952, первая публикация: *Les Travaux de L'Annee Sociologique*. Paris: F. Alcan. 1925.
5. *Roediger H.L. Ill, Wertsch J. V.* Creating a new discipline of memory studies // *Memory Studies*. 2008. V. 1. N1. P. 10.
6. *Assmann J.* Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism. Cambridge, Mass. 1997. P. 9.
7. *Зборовский Г. Е., Широкова Е. А.* Социальная ностальгия: к исследованию социального феномена // *Социол. исслед.* 2001. N 8.
8. *Miszthal B.* Collective Memory in a Global Age. Learning how and what to remember // *Current sociology*, 2010. V. 83. N. 1. P. 24 - 44.
9. *Alia N., Davies J.* Nostalgia and the shapes of history: Editorial // *Memory Studies*. V. 3. N 3. 2010.
10. *Science of Memory. Concepts.* Edited by *Roediger H.L. Ill, Dudai Y., Fitzpatrick S.M.* New York: Oxford University Press, USA. 2007.
11. *Brown S.* The quotation marks have a certain importance: Prospects for a 'memory studies' // *Memory Studies*. Vol. 1. N1, 2008. P. 261 - 271.
12. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
13. *Задорнов М.* Гонконг // *Новый мир*. 1982. N 2.
14. *Маркс К.* 18-е брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8.
15. *Shils E.* Tradition. Chicago: University of Chicago Press. 1981.
16. *Тощенко Ж. Т.* Эволюция теоретической социологии в России (1950 - 2000-е годы). Статья 2-я // *Социол. исслед.* 2009. N 7.

17. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет. 2001. С. 33, 36, 38, 41 и др.
18. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики. 2001. Глава 5. Историческое сознание и историческая память: состояние и парадоксы.
19. Чуйкина С. А. Реконфигурация социальных практик. Семья поместных дворян в до- и послереволюционной России (1870 - 1930-е гг.) // Социол. исслед. 2000. N 1. С. 81 - 92; Чуйкина С. А. Дворянская память: "бывшие" в советском городе (Ленинград, 1920 - 30-е годы). СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006; Чуйкина С. А. Collective Memory and Reconversion of Elite: Former Nobles in Soviet Society after 1917 // N. Packard (ed.) Sociology of Memory: Papers from the Spectrum. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 63 - 99; Ее же. Le "Grand Compromis" et la Memoire Familiale. Les Ex-Nobles Russes a l'Еpoque Stalinienne // Revue d'etudes comparatives Est-Ouest. 2006. Vol. 37. N 3. P. 165 - 197, и др.
20. Волков В. В. Силовое предпринимательство. М.: Летний сад, 2002.
21. Хахордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб; М.: Европейский университет в СПб.: Летний сад, 2002.
22. Жаворонков А. В. Российское общество: потребление, коммуникация и принятие решений. 1967 - 2004 годы. М.: Вершина, 2007.
23. Гудков Л. Время и история в сознании россиян (ч. II). Вестник общественного мнения. 2010. N 2 (104). С. 13 - 61; Дубин Б. Координата будущего в общественном мнении // Вестник общественного мнения. 2010. N 2(104). С. 3 - 6 и др.
24. Хлевнюк Д. О., стажер-исследователь Центра фундаментальной социологии ГУ-ВШЭ, заявляет исследования памяти как один из объектов своего научного интереса - <http://www.hse.ru/org/persons/3045188> (03.01.2011 г.).
-
- стр. 22
25. Forty A., Kuchler S. (eds). The Art of Forgetting. Oxford-New York: Berg, 1999.
26. Wolfrum E. Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999.
27. Историческая память: Преемственность и трансформации. "Круглый стол" в РАГС // Социол. исслед. 2002. N 8. С. 76 (Выступление ректора РАГС В. К. Егорова).
28. Историческая память в Российском обществе: состояние и проблемы формирования. Материалы социологических исследований. М.: РАГС, Социологический центр. 2010.
29. Фальсификаторы истории. Историческая справка. М.: ОГИЗ Главполитиздат. 1948, 79 с. <http://www.oidgazette.ru/lib/sovinformburo/05.html>
30. Яковлев А. Н. Достижение качественно-нового состояния советского общества и общественные науки // Коммунист, 1987. N 7.
31. См.: <http://stalinism.narod.ru/vieux/ukaz.htm> (03.01.2011 г.)
32. Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину об арестованных военнослужащих Красной Армии 20 июля 1940 г. // Лубянка, Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР "Смерш". 1939 - март 1946. М., 2006.

33. *Тартаковский Б. Г.* Все это было... Воспоминания об исчезающем поколении. М.: АИРО-XX. 2005.
34. *Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Территория будущего. 2005 (Гл. 1 Введение. Новая критическая теория с космополитической целью).
35. *Мазлиш Б.* Глобальное и локальное: понятия и проблемы // Социол. исслед. 2006. N 5. С. 23 - 31.
36. *Langenbacher E., Eigfer F.* Introduction: Memory Boom or Memory Fatigue in 21st Century Germany? // German Politics & Society. V. 23. N 3. 2005. P. 1 - 15(15).